

Эдуард Вульфсон: Об обществе как партитуре, о «смертных богах» и о музыкальном бизнесе | Eduard Wulfson: de la société comme partition, des « dieux mortels » et du business musical

Автор: Надежда Сикорская, [Genève - Женева](#) , 26.07.2017.

Наш собеседник – директор расположенной в Женеве компании Rare Musical Instruments Consulting SA. Он двулик. С одной стороны, это признанный во всем мире эксперт по редчайшим струнным инструментам, с другой – не менее признанный «тренер» скрипачей-солистов. Его биография необычна, как необычен и его взгляд на окружающий нас сегодня мир.

|

Notre interlocuteur est directeur de la compagnie Rare Musical Instruments Consulting SA, située à Genève. Il a deux visages. D'un côté, c'est un expert des instruments à cordes les plus rares reconnu dans le monde entier ; de l'autre, c'est un « entraîneur » non moins reconnu de violonistes solistes. Sa biographie est insolite, comme l'est son regard sur le monde qui nous entoure aujourd'hui.

Eduard Wulfson: de la société comme partition, des « dieux mortels » et du business musical

Наша Газета: Эдуард, давайте по традиции начнем с начала, то есть с краткой биографической справки.

Я родился в Риге в 1953 году. Воспитывался в русской и немецкой культурах, часть моей семьи была из баварских евреев, часть – из Санкт-Петербурга. Во время войны отец служил в Советской Армии, а остальные спаслись благодаря эвакуации. Еще подростком я начал заниматься бизнесом, по тогдашним понятиям – фарцовкой, то есть был таким одесситом в северной Европе. В музыку пришел через папу, талантливого скрипача-любителя. По моей собственной оценке, играл я хорошо почти всегда и всегда обладал красивым звуком. Учился в Рижской музыкальной школе имени Э. Дарзиня, которую закончили многие известные музыканты, от Гидона Кремера и Олега Кагана до Раймонда Паулса. Продолжил образование в Московской консерватории (в классе Игоря Безродного), затем был переведен в Ленинградскую консерваторию (класс Михаила Ваймана). Перевод был наказанием за противозаконные тогда валютные операции. Чему я там научился? В музыке – всему, в жизни – всему и ничему! Главное – научился основным ценностям: не предавать, не стучать, быть лояльным к своим партнерам, не мошенничать. Эмигрировав из СССР на совершенно законных основаниях в 1970-е годы, сначала в Израиль, а оттуда в Париж, я имел счастье заниматься с такими величинами, как Генрик Шеринг, Натан Мильштейн и Иегуди Менухин. Я дал немало концертов и мог быть, состояться как солист, но честность перевесила – наверно, мне не хватало дисциплины для жизни виртуоза. Я пришел к выводу, что если мне удастся сделать синтез всех изученных мною методов и поделиться им, то это будет важнее и полезнее. Я ни разу не пожалел о принятом решении и точно знаю, как работать с виртуозами.

Почему Вы сменили Париж на Женеву?

Причин несколько. Первая и основная – ухудшение морально-этической атмосферы в Европейском союзе вообще и во Франции в частности. В области культуры, как и в области политики, происходят какие-то необдуманные толчки, на мой взгляд опасные, провоцирующие и дестабилизирующие общество. Не наведя порядок в отдельных странах, не очистив, так сказать, собственные конюшни, ЕС замахивается

на освоение огромной территории, что представляется мне ошибкой. Развитие в этом направлении идет слишком быстро. Именно темп был второй причиной нашего переезда. Темп жизни в Швейцарии можно, несмотря на его интенсивность, определить, пользуясь музыкальной терминологией, как *moderato* – умеренный. У него есть логическая основа, экологическая основа, образовательная основа. Если продолжать музыкальную аналогию, то можно представить себе человеческое общество как оркестровую партитуру, интерпретировать которую надо не с точки зрения наших эмоций, а с точки зрения замысла ее создателя, учитывая статистику и не фантазируя. Политическая корректность ЕС не всегда бывает во благо, а порой уводит и в противоположном нужному направлении. К сожалению, в Европе нет сегодня политических «дирижеров», достойных великих партитур. Преимущества Швейцарии, единственной страны, сохранившей принцип прямой демократии, в этом смысле бесспорны.

Не кажется ли Вам, что падение уровня лидеров, нехватка ярких личностей наблюдается не только в политике, но и в музыке?

К большому сожалению, должен с Вами согласиться. Да, произошла девальвация ценностей. Сегодня человек, хорошо умеющий играть на скрипке, приходит к организаторам концертов и, если утрировать, говорит, что он уже и Яша Хейфец, и Натан Мильштейн и может все играть. На самом деле, все определяется двумя факторами: владением инструментом и способностью постичь и донести до публики благородные идеи великих композиторов. Есть настоящие ценности и есть карикатуры. Столкнувшись с карикатурной интерпретацией музыкального произведения, от неприятного ощущения этого легко очиститься – достаточно прослушать, например, запись «Баллады» Шопена в исполнении Владимира Горовица. К счастью, и сегодня еще есть истинные интерпретаторы идей композиторов, назовем имена Евгения Кисина, Григория Соколова, Раду Лупу, к ним приближается Даниил Трифонов. Есть музыканты, которые эмоционально подходят не всем, – например, венгерский виртуоз Дьёрдь Цифра, наш Денис Мацуев или мой бывший ученик Кристоф Барати, с которым я занимался в течение десяти лет. Всех их я люблю за феноменальное владение инструментом. Всех музыкантов, доверивших мне работу с ними, я стараюсь формировать в духе служения великим творениям и максимально точного технологического решения тех очень непростых задач, которые поставили перед ними композиторы. Только таким путем можно прийти и к соответствующим эмоциям.

Эдуард Вульфсон (©Nashagazeta.ch)

Есть ли среди Ваших сегодняшних подопечных кто-то, кто, на Ваш взгляд, займет место рядом с перечисленными ранее выдающимися музыкантами?

Да! Это 15-летний скрипач Даниэль Лозакович, уникальный талант, способный на глубокое, рафинированное звукоизвлечение. При прекрасной технологической подготовке он обладает еще и невероятной эмоциональной чистотой, красотой звука, захватывающей слушателей. Такие музыканты рождаются не каждый день. Плюс, конечно, сказывается и его огромная трудоспособность. Я очень горжусь его интерпретациями, который оценил даже такой авторитет, как Валерий Гергиев, многократно приглашавший его к совместным выступлениям. (27 июля Даниэль выступит в рамках [Фестиваля в Вербье](#).)

В чем особенность Вашего преподавательского метода?

Каждый раз, открывая ноты даже много раз игранного произведения, мы открываем его заново. Рассказывают, что однажды Артур Рубинштейн находился в мастерской Пабло Пикассо, который много раз воспроизводил, казалось бы, один и тот же этюд. Рубинштейн спросил: «Почему Вы повторяете?». А Пикассо ответил: «Я не повторяю, свет меняется». По аналогии, моя задача – следовать заветам моих учителей и помогать моим ученикам каждый раз находить новый звук и максимально раскрывать свой потенциал. Если просвещенная, подготовленная публика оценивает результат этих усилий, то мне это доставляет большое удовольствие, так как служение композитору – часть нашего музыкального долга. Моя амбиция – соединить великую музыку, выдающихся исполнителей, уникальные инструменты и прекрасную публику, чтобы как можно выше поднять эмоциональный тон эстетики.

Можете ли Вы объяснить далекой от музыки части нашей аудитории, насколько важен для исполнителя инструмент, на котором он играет? В чем секрет Страдивари?

В пантеоне великих людей, чья гениальность не вызывает сомнений, присутствуют Антонио Страдивари и Гварнери дель Джезу, а также еще несколько мастеров струнных инструментов, мастеров озвучивания дерева. Этот негласный пантеон – крайне закрытое общество, в которое невозможно попасть, если вы не признанный гений. Согласившись с этим, легко ответить на все вопросы. Джорджо Вазари, основоположник современного искусствознания, метко назвал таких людей «смертными богами». Представьте себе, что мы находимся в станцах Рафаэля в Ватикане. Что мы прежде всего отмечаем, рассматривая созданные им совершенства? Свет, краски, воздух, архитектуру, выражения лиц. Но прежде всего – свет и краски. Причем сколько раз ни смотришь, всегда эти свет и краски кажутся чуть-чуть иными. В преломлении к струнным музыкальным инструментам эквивалентом света и красок является звук. В отличие от художника, у Страдивари не было эскизов и не было возможности что-то исправить. У него были модели, подготовка, чертежи, технологическая ясность, критерии для выбора дерева. Но как перенести свет и краски в дерево, как заставить его звучать, и звучать божественно? Вот эту-то тайну и познали великие мастера, заставляя многие поколения людей восхищаться созданными ими шедеврами. Заметьте, эти инструменты были созданы за столетия до того, как были написаны исполняемые на них сейчас произведения!

На основании какого главного критерия Вы оцениваете качество и ценность того или иного попадающего в Ваши руки инструмента?

Конечно, на основании его «голоса», то есть звука. Но не менее важной составляющей успеха является мастерство музыканта, способного извлечь из

инструмента «его» звук. Если музыкант на это не способен, то ни Страдивари, ни дель Джезу его не спасут, тому мы знаем массу примеров. А потому я считаю, что не обязательно, чтобы все редчайшие, ценнейшие инструменты находились в руках исполнителей, – лучше иногда их придержать, пока не появится исполнитель, который их заслуживает! При правильном сочетании двух первых условий, мы имеем качество «голоса» уровня Пласидо Доминго, Федора Шаляпина, Марии Каллас и т. д., который не может никого оставить равнодушным. А потому не надо создавать сумасшедшей инфляции, она все равно будет отвергнута натуральной селекцией и разумом. Нам не стоит соглашаться на карикатуры, которые на струнных инструментах выглядят еще страшнее, чем на рояле.

Не секрет, что мир классической музыки сегодня - это, помимо всего прочего, и мир отчаянной конкуренции. Как Вы к этому относитесь?

Спокойно. Конкуренция – замечательное явление, стимулирующее развитие. Зато я терпеть не могу, когда некоторые музыканты с так называемым «большим именем» при их объективной посредственности публично заявляют, что, мол, все мы коллеги, все мы друзья. Друзья и коллеги могут быть только равные. К сожалению, мы живем в обществе, совершенно потерявшем критерий порядочности при оценке солистов.

Известно, что Вас связывают с Валерием Гергиевым не только дружеские, но и деловые отношения. В частности, Вы помогаете ему находить уникальные инструменты для Мариинского театра.

Валерий Гергиев прекрасно понимает ценность звучания выдающихся инструментов. Это понимание послужило импульсом к созданию им коллекции инструментов для оркестра Мариинского театра, и я горд тем, что был приглашен принять участие в этом процессе. Прекрасно помню наш первый разговор на эту тему, который длился около четырех часов – уж не знаю, сколько кругов вокруг Трафальгарской площади мы тогда сделали! Позволю себе высказать предположение, что приглашение это можно считать признанием моего многолетнего опыта по покупке, продаже и посредничестве при смене владельцев редчайших струнных инструментов. Это – моя основная деятельность. А вторая, не менее важная для меня, – стремление к созданию тренировочной базы для воспитания музыкантов, которые бы достойно на этих инструментах играли.

Эдуард Вульфсон и Даниэль Лозакович (©Nashagazeta.ch)

Обыватель может поинтересоваться, сколько же вообще существует таких уникальных инструментов и где Вы их отыскиваете?

Здесь есть элементы и везения, и таланта. Если мы возьмем любой каталог творений Страдивари, то узнаем, что им было сделано около 600 скрипок, 50 виолончелей и так далее. Как известно, он прожил очень долгую жизнь – 93 года! Сколько из этих инструментов сохранилось? А еще точнее, сколько их находится на рынке и как их отбирать? Обычно происходит так: ко мне обращается владелец инструмента с предложением этот инструмент продать или купить. Тут все просто. Далее наша швейцарская компания Rare Musical Instruments Consulting SA, то есть консалтинговая фирма, специализирующаяся на редких музыкальных инструментах, либо берет его на хранение, либо включает в инвестиционную программу, либо одалживает, либо продает. У нашей компании есть возможность тщательной проверки всех данных и четкое понимание ценообразования, которое довольно стабильно. Известно, что самый дорогой инструмент Страдивари был продан за 16 млн долларов, а самый дорогой инструмент Гварнери дель Джезу – за 16,5 млн долларов. Понятно поэтому, что мы не можем вдруг объявить, что какой-то инструмент стоит 50 миллионов. Еще одна специфическая особенность нашего бизнеса в том, что в нем нет кредитных денег, что практически исключает возможность спекуляции.

Даете ли Вы своим подопечным возможность играть на имеющихся у Вас редких инструментах?

Даю! Более того, я внимательно слежу, чтобы мои подопечные играли на прекрасных

инструментах. Кристоф Барати, например, играет на скрипке Страдивари 1703 года, именуемой «Леди Хармсвурд», по имени английской аристократки, которая владела ею в XIX веке. На ней он записал диск под названием «Голос Леди Хармсвурд». Даниэль Лозакович играет сейчас на скрипке Страдивари 1712 года, принадлежавшей знаменитой американской коллекции Хоттингера.

Верите ли Вы в бессмертие классической музыки?

Бесспорно, потому что наш мир может существовать только при сохранении пантеона гениев, о котором мы говорили ранее, при сохранении вечных ценностей. Это то, что позволяет охранить человечество от морального вымирания. Люди, в руках которых находятся произведения искусства, а к ним относятся и выдающиеся музыкальные инструменты, являются не владельцами их, а лишь временными хранителями, передающими их следующим поколениям.

[русская музыка](#)

[швейцарская музыка](#)

Статьи по теме

[Моцарт, Даник и «старенькая скрипочка»](#)

[Аплодисменты и грозы в Швейцарских Альпах](#)

[Кресты и литавры](#)

[Дебют Кристофа Барати в Мариинке](#)

[АЕС+Ф, Ле Корбюзье и самарские пиявки](#)

Source URL:

<http://www.nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/eduard-vulfson-ob-obshchestve-ka-k-partiture-o-smertnyh-bogah-i-o>